

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 17)

Когда Ли Ань предложил Чао Цы перетянуть проклятие на себя, он был уверен в успехе. Чао Цы обладал силой стадии Разделения Духа, а в сочетании с подавляющими пилюлями, которые Ли Ань изготовил лично, магия не должна была убить его. Предполагалось, что юноша лишь временно ослабеет и не сможет использовать свои способности в полную мощь.

Но то, что он видел сейчас...

Ли Ань был в шаге от того, чтобы найти способ окончательного исцеления. Однако теперь Проклятие, пожирающее кости, проникло в саму душу Чао Цы. Пути назад больше не было. Медицина оказалась бессильна.

Он резко повернулся к Лу Яню. В его взгляде не было и тени того благоговения или страха, которые испытывали другие перед владыкой двух миров. Только прямой, жалящий вопрос:

— После моего ухода Чао Цы вступал в бой с кем-то из стадии Преодоления Скорби?

Прежде Чао Цы скрывал свой истинный уровень, и даже Ли Ань не знал, что тот уже достиг Разделения Духа. Но сейчас, когда А-Цы был столь слаб, таиться было невозможно. Лекарь учуял его истинную мощь с первого касания, и Лу Янь, несомненно, тоже давно всё понял.

Владыка нахмурился, и на его лице отразилась целая гамма противоречивых чувств.

За те пять лет Чао Цы почти не покидал свою обитель. В памяти Лу Яня не было ни одного случая, чтобы юноша сражался даже с мастером Разделения Духа, не говоря уже о стадии Преодоления Скорби.

Однако на деле в те годы они проводили вместе не так уж много времени. Если А-Цы намеренно хотел что-то скрыть, мужчина мог об этом и не узнать.

Мастеров стадии Преодоления Скорби во всем мире можно было пересчитать по пальцам. Когда в Краю Небес решалась судьба сокровищ, туда должны были явиться все великие старейшины. Но Лу Янь помнил двоих, кто так и не появился в Пределе.

Он давно затаил в сердце имена тех, кто дергал за ниточки из тени, и прекрасно знал, кто проигнорировал общий сбор.

Чу Сяо из Секты Ясного Неба и Е Синь из Секты Священных Врат.

Лу Янь не знал причин их отсутствия, но и прощать их не собирался. Он планировал свести с ними счеты позже, но после его возвращения из Края Небес эти двое затаились, словно поджав хвосты, и бесследно исчезли. До этого момента у него просто не доходили руки до их поисков.

Теперь же их отсутствие казалось более чем подозрительным.

В те годы Лу Янь готовился к тому, что великие мастера Предела лично придут за его головой. К тому времени он уже достиг стадии Разделения Духа и обладал пугающей боевой мощью, к тому же он никогда не скрывал своей враждебности к четырем великим сектам. Было бы естественным, если бы они решили вырвать сорняк с корнем своими руками.

Пока он совершенствовался, он постоянно готовил козыри. Он не знал, сможет ли выстоять против мастера Преодоления Скорби, и был готов погибнуть в бою. Вся его жизнь была танцем на острие ножа, и к риску он давно привык.

Но они так и не пришли. Все пять лет прошли в странном, необъяснимом затишье.

Лицо мужчины потемнело. Он обратился своим чутьем к самому небу и земле, прочесывая мир в поисках следов этих двоих.

В одном из малых миров Северных земель исполинская призрачная длань, возникшая из ниоткуда, в мгновение ока сокрушила тайное убежище. Двое практиков были грубо вырваны из своего укрытия и брошены прямо в центр небесного чертога.

В зале, где и без того было тесно от коленопреклоненных мастеров, внезапно появились двое, рухнув на пол с высоты.

Несмотря на унижительное падение, они всё же были мастерами стадии Преодоления Скорби и сумели быстро подняться на ноги. Окинув взглядом Лу Яня и толпу дрожащих за его спиной людей, а также вспомнив о сегодняшнем указе, они мгновенно сообразили, где находятся.

Они стояли, опустив головы, не зная, как подобает обращаться к человеку, ставшему над миром.

Вдруг их взгляды упали на того, кто бездыханно лежал на ложе.

Это был Чао Цы!

Вспомнив о Гу, пожирающем душу, который всё еще был привязан к их сущности, они заметно побледнели.

Лу Янь уловил перемену в их лицах. Его голос прозвучал низко и угрожающе:

— Отвечайте честно. Один вопрос, и упаси вас Небо солгать. Вы когда-нибудь сражались с Чао Цы?

Чу Сяо и Е Синь переглянулись, их лица исказила сложная гримаса боли и горечи. Наконец заговорил первый:

— Год назад... Мы тайно вступили с ним в бой.

— В бой? — Ли Ань почти выплюнул это слово, и в его голосе послышались странные, пугающие нотки.

Мрачность Лу Яня лишь сгустилась. Не обращая внимания на лекаря, он потребовал:

— Какова была причина и чем всё закончилось?

Двое старейшин медлили, колеблясь, но понимали: лгать существу такой силы бессмысленно. Если они разгневают его, он не станет тратить время на расспросы, а просто вырвет истину из их душ, уничтожив разум.

— Мы хотели убить тебя, — дрожащим голосом признался Чу Сяо. — Год назад мы с Е Синем отправились на поле боя у границы, чтобы перехватить тебя и покончить с тобой раз и навсегда.

Старая вражда между четырьмя сектами и Лу Янем давно стала очевидной, и теперь не было смысла прятать правду за вежливыми недомолвками.

— Но на полпути нас перехватил Чао Цы... Только тогда мы узнали, что он уже достиг стадии Преодоления Скорби. Нападение было столь внезапным и яростным, что мы едва не пали от его руки. Он сохранил нам жизнь, но взамен заразил нас Гу, пожирающим душу. Он пригрозил, что если мы хоть пальцем тронем тебя, то обратимся в прах в ту же секунду.

Закончив, Чу Сяо почувствовал, как всё его тело сотрясает нервная дрожь. Он не знал, позволят ли ему дожить до заката.

Ли Ань повернулся к Лу Яню. Глаза того налились кровью, и облик его стал по-настоящему ужасающим. Но лекарь не ощутил страха.

— Мой повелитель, — произнес он с ледяным спокойствием, — полагаю, теперь вам всё ясно.

Сейчас его отношение к мужчине было пропитано чистейшей, ничем не прикрытой злобой.

Пусть он не был праведным целителем, он оставался одним из лучших знатоков человеческого тела. Стоило ему погрузить свое чутье в Чао Цы, как он увидел всё, что перенес этот юноша. Его тело было покрыто шрамами, но хуже того — помимо разрушительного действия проклятия, его внутренние потоки энергии были в полном хаосе. Причиной тому был беспорядочный прием множества снадобий.

Среди них были и афродизиаки, и яды, используемые для пыток, и даже... Пиллюля зачатия.

Когда Ли Ань осознал это, гнев и горечь подступили к самому горлу, и он почувствовал соленый вкус крови во рту.

«Лу Янь, как ты посмел?!»

Еще много лет назад он подозревал, что этот мальчишка таит в себе тьму, но, поскольку Лу Янь вел себя сдержанно, лекарь не давал воли своим подозрениям. И всё же, терзаемый смутной тревогой, он когда-то создал для Чао Цы тот защитный талисман.

Кто бы мог подумать, что дело дойдет до такой черты.

Лу Янь собственноручно загонял Чао Цы в могилу!

Даже если Чао Цы и видел в нем лишь замену Лу Цзэи, все эти годы он оберегал юношу, давал ему лучшие ресурсы и защиту, а в итоге — поставил на кон собственную жизнь, лишь бы спасти его. Для Лу Яня Чао Цы был спасителем и благодетелем, а тот отплатил ему такой невыносимой жестокостью!

В сердце Ли Аня кипела жажда мести, но внешне он оставался пугающе спокойным.

— Тогда Чао Цы разыскал меня в Запретном горном хребте, — начал он медленно. — Он умолял меня найти лекарство от Проклятия, пожирающего кости, для одного человека. Лекарства не существовало, ведь главный ингредиент давно исчез из этого мира. Я советовал ему оставить эту затею, но А-Цы был непреклонен. Тогда мне не оставалось ничего другого, как открыть ему правду: проклятие нельзя уничтожить, но его можно перенаправить на другого носителя. При условии, что тот обладает силой стадии Разделения Духа.

— Чао Цы согласился. И этим носителем стал он сам. Мы договорились: перенос проклятия подорвет его жизненные силы, но при его уровне культивации и моей помощи он смог бы жить долго, если бы только не использовал свою мощь в полную силу. Но...

Он перевел взгляд на Чу Сяо и Е Синя, и на его губах заиграла странная, почти безумная улыбка, а глаза потемнели:

— Очевидно, по неким причинам Чао Цы был вынужден вступить в бой.

Лу Янь посмотрел на Чао Цы. Лицо юноши, когда-то напоминавшее цветущую яблоню в лунном свете, теперь было мертвенно-бледным, с тем самым серым оттенком, который появляется у тех, чей срок уже истек. Сердце мужчины, казалось, расколосось на части. Он хватал ртом воздух, но каждый вдох приносил лишь новую, еще более острую боль, а кончики его пальцев сводило судорогой.

Значит, такова она — запредельная боль?

Так вот какова правда, Чао Цы.

«Почему... почему ты ничего не сказал мне?»

Он протянул руку, желая коснуться щеки юноши, но Ли Ань преградил ему путь. Мужчина поднял на него тяжелый, полный мрака взгляд.

Ли Ань, не дрогнув, продолжал:

— Даже если бы Чао Цы сражался в полную силу, он не должен был угаснуть так быстро. Проверив его пульс, я обнаружил... Скажи мне, мой господин, ты ведь заставлял его принимать Пилюли зачатия?

Лу Янь медленно, с нечеловеческим трудом, кивнул. Он уже чувствовал: сейчас будет раскрыто еще одно его злодеяние, еще одна страшная истина. И всё же он смотрел Ли Аню в глаза, словно истязая самого себя, призывая его продолжать.

Ли Ань оскалился в болезненной усмешке:

— Свойства Пилюли зачатия вступили в конфликт с тем снадобьем, что я приготовил для сдерживания проклятия. Это не только нейтрализовало лекарство, но и многократно ускорило разрушение его тела. Именно это привело Чао Цы к его нынешнему состоянию... Теперь спасения нет.

В зале воцарилась удушливая, мертвая тишина. Лишь спустя долгое время послышались странные хрипы, вырывавшиеся из горла Лу Яня. Это не было ни смехом, ни плачем. Казалось, все слова и всё раскаяние в нем были перемолоты в кровавое месиво, и теперь он мог издавать лишь эти бессмысленные стоны.

Прежде чем кто-то успел опомниться, мужчина взмахнул рукой. В мгновение ока все присутствующие были перенесены из небесного дворца вниз, к подножию облачной лестницы.

Там же оказались и двое старейшин. Чу Сяо и Е Синь, великие мастера Преодоления Скорби, в один миг лишились всей своей силы: Лу Янь вырвал их меридианы и перерезал сухожилия. Он оставил им жизнь, но превратил в калек.

Мастера расходились в молчании. Они шли на зов, надеясь обрести путь к богам, а вместо этого стали свидетелями страшной, запретной тайны. Страх был сильнее любопытства — им хотелось лишь одного: оказаться как можно дальше от этого места.

В огромном зале остались только трое. Чао Цы, Лу Янь и Ли Ань.

Ли Ань стоял поодаль, наблюдая за тем, как Лу Янь, отослав всех прочь, замер над кроватью юноши. Спустя какое-то время мужчина склонился над ложем. Он протянул дрожащие руки, словно желая обнять А-Цы, но пальцы лишь бессильно замерли в воздухе, не смея коснуться. Он приблизил свое лицо к его щеке, замер на миг, словно хотел поцеловать, но так и не решился.

Лишь тихий, прерывистый шепот нарушал тишину:

— Прости... Прости меня...

Он повторял это снова и снова, но голос его был столь слаб, что едва достигал ушей. Казалось, он и сам понимал: его извинения не принесут исцеления. Они не заслуживали прощения, и прощения не будет.

«Так тебе и надо», — Ли Ань чувствовал, как боль за друга мешается в его сердце с мрачным торжеством.

«Ты не достоин его, Лу Янь. Никогда не был достоин»

На самом деле свойства Пилюли зачатия вовсе не конфликтовали с его лекарством. Но он хотел, чтобы Лу Янь мучился. Хотел, чтобы эта вина выжигала его изнутри.

Он ненавидел себя за то, что сейчас у него не было сил забрать Чао Цы отсюда. Если бы он только мог, он бы, не задумываясь, отдал жизнь, лишь бы унести юношу подальше от этого чудовища, чтобы Лу Янь не смел больше коснуться даже волоска на его голове.

Прошло много времени, прежде чем Лу Янь хрипло, едва слышно спросил:

— Я хочу, чтобы он жил. Что... что я должен сделать?

Его голос был неузнаваем.

— Проклятие уже в его душе, — ответил Ли Ань. — Теперь остается только одно: непрерывно вливать в него колоссальные объемы жизненной силы, чтобы едва теплится искра жизни в этом теле.

Это был тот же самый способ, о котором говорил алхимик девятого ранга. Поддерживая жизнь в Чао Цы, эта сила одновременно будет кормить и проклятие. Магия будет расти, становясь всё прожорливее, требуя всё больше и больше энергии — словно снежный ком, пока в один день поток жизненной силы не иссякнет, не успевая за аппетитом Проклятия, пожирающего кости.

Лу Яню снился сон.

Ему снилось, что он вернулся из Края Небес и сразу отправился в обитель Чао Цы, но тот прогнал его прочь. Лу Янь был в ярости. Ведомый гордыней, он долго не желал идти на примирение.

Но дни сменялись неделями, недели — месяцами. На словах он оставался холоден, но в душе тоска по этому человеку сводила его с ума. Его решимость таяла, и в конце концов он решил забрать юношу с собой.

До этого момента сон в точности повторял реальность. Но здесь пути разошлись.

Наяву он нашел Чао Цы по следу его ауры. Но в этом сне он никак не мог отыскать его — словно тот бесследно растворился в пустоте, не оставив и тени. Он искал его целую вечность. Сначала в его сердце жила досада, затем пришла тревога, которая вскоре переросла в ледяной, парализующий ужас.

Наконец, уловив едва заметный, призрачный отголосок его присутствия, он нашел Чао Цы у подножия далекой горы — в том же месте, что и наяву.

Но в этом сне Чао Цы был мертв.

Он лежал мертвым в той самой скромной бамбуковой хижине.

В реальности, когда Лу Янь нашел его, хижина и дворик были простыми, но полными жизни. Чао Цы любил выносить в сад плетеное кресло и неспешно заваривать чай под открытым небом. Но здесь сад зарос сорняками, а дом выглядел заброшенным уже многие месяцы.

Лу Янь во сне замер на пороге, не смея войти. Он чувствовал внутри слабый отзвук ауры А-Цы, но понимал: это лишь эхо, в нем не было тепла живого существа. И всё же, преодолевая ужас, он шагнул внутрь.

Увиденное заставило его закричать без звука.

Чао Цы лежал на бамбуковом ложе, не дыша. Тонкое запястье безжизненно свисало с края кровати — бледное, как пергамент, оно было опутано угольно-черной паутиной проклятия. Сквозь кончики его пальцев уже проглядывали белые кости.

Лу Янь понимал, что это лишь сон. Он знал: поглотив душу, проклятие продолжает пожирать плоть носителя, пока от него не останется ничего. И всё же в этот миг его сердце сжалось от невыносимой, удушающей муки.

Даже во сне, едва дыша от страха, он бросился к Чао Цы.

<http://bllate.org/book/15361/1416975>